

Библейско-богословская коллекция
ПАТРОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Поселянин Е.

СВ. ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ И ТВОРЕНИЯ

Русский паломник, 1909, № 15, с. 238-239; № 16, с. 255-257; № 17, с. 268-270

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Св. Димитрій Ростовскій и его творенія.

(По поводу предстоящаго въ с. г. 200-лѣтія со дня его кончины).

1 марта 1702 года въ древнемъ кафедральномъ городѣ Ростовѣ-Великомъ съ утра поднялось непрекращавшееся движеніе. Ростовцы ждали къ себѣ ново-назначеннаго митрополита Димитрія. Поставленный незадолго до того митрополитомъ Сибирскимъ, онъ, слабый здоровьемъ уроженецъ теплой Украйны, не могъ ѣхать въ тотъ суровый климатъ и, не побывавъ въ Сибири, былъ переведенъ въ Ростовъ.

Нетерпѣніе ростовцевъ увидать новаго митрополита легко понять: Димитрій представлялъ изъ себя знаменитѣйшаго изъ церковныхъ людей того времени. Глубокая ученость соединялась въ немъ съ блестящими дарованіями, какая-то неукротимая ревность къ дѣятельности — со вдохновеніемъ. Еще въ молодости онъ прогремѣлъ по Малой Россіи своими проповѣдями, а въ послѣдніе годы завершилъ безсмертный трудъ свой, который стоилъ ему 20 лѣтъ напряженной работы и навсегда остался любимымъ, драгоценнымъ чтеніемъ русскихъ вѣрующихъ людей: 12 мѣсяцевъ собранныхъ воедино и пространно изложенныхъ житій святыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Четій-Миней“. И надъ всей этой славой великихъ дарованій и трудовъ сіялъ вѣнецъ праведной жизни, великой кротости, чистоты и милосердія.

Далеко за городъ были выставлены конные дозорщички и, наконецъ, прискакали въ городъ съ вѣстью, что поѣздъ митрополита уже виденъ. На фонѣ бѣлой, тронутой ростепелью дороги показался широкій на полозьяхъ возокъ, запряженный шестью лошадьми въ три уноса. Святитель везъ съ собой любимую имъ Ватопедскую икону Богоматери. Сзади возка вереница саней со свитой митрополита и выѣзжавшими къ нему навстрѣчу властями, горожанами и духовными. На старыхъ звонницахъ Кремля ударили въ колокола, и пѣвучій благовѣстъ, какъ привѣтъ многихъ вѣковъ и былыхъ святителей ростовскихъ, поплылъ навстрѣчу приближавшемуся поѣзду Димитрія...

...„Привѣтъ тебѣ, пастыръ праведный, отъ великихъ святителей, трудниковъ нивы Христовой: древняго Леонтія, пришедшаго съ проповѣдью въ страну дикую, и чуднаго Іакова, Исаи, Игнатія и Θεодора... Съ ними сравниешься ты силой подвига твоего, оставивъ, какъ они, въ наслѣдіе Ростову многоцѣлебныя мощи твои... Привѣтъ отъ преподобныхъ ростовскихъ съ сіяющимъ въ челѣ ихъ Аврааміемъ и отъ древняго Петра, царевича Ордынскаго, и отъ Христа ради блаженныхъ края ростовскаго, въ жестокомъ житіи искавшихъ правды Божіей, — отъ всѣхъ молитвенниковъ и чудотворцевъ ростовскихъ тебѣ, святитель Димитрій, привѣтъ, привѣтъ!“

Не переставая гудѣли колокола сладкозвучные. Волны звона неслись отъ Ростова къ пріозерной Яковлевской обители, запруженной народомъ, куда въ

первую изъ святыхъ ростовскихъ вступалъ Димитрій, предшествуемый своей келейной иконой Богоматери и встрѣчемый Ростовской иконой Той же Пречистой Дѣвы. Тѣснясь, выглядывая изъ-за головъ другъ друга, ростовскіе люди жадно присматривались къ невысокой фигурѣ Димитрія съ худымъ, истомленнымъ отъ подвиговъ и напряженныхъ трудовъ лицомъ, съ глубокими, пронизательными глазами.

Послѣ встрѣчи въ дверяхъ соборной церкви онъ задумчиво постоялъ, точно не видя ничего вокругъ себя, и неожиданно, внезапно сквозь толпу, разступавшуюся съ великимъ усиліемъ, прошелъ къ правой стѣнѣ храма, остановился и сказалъ: „Се покой мой, здѣ вселюся“. Черезъ семь съ половиной лѣтъ на этомъ самомъ мѣстѣ нашель дѣйствительно послѣдній покой свой этотъ никогда не отдыхавшій человекъ...

Святитель Димитрій Ростовскій былъ одинъ изъ величайшихъ тружениковъ на Божьей нивѣ, какихъ знало вселенское христіанство.

Родился онъ въ зажиточной семьѣ малороссійскаго сотника Саввы Туптало въ 1651 г., близъ Кіева, въ городѣ Макаровѣ и носилъ въ міру имя Данила.

То было время, когда въ Кіевской Руси бодрими, смѣлыми шагами пошло впередъ просвѣщеніе. Молодые православные ученые, вооружившись знаніемъ, ринулись въ бой съ католическими лжемудрованіями, и эта счастливая атмосфера пробудившагося православнаго чувства и православной мысли укрѣпляла на подвигъ цѣлой жизни наиболѣе чуткихъ къ вѣрѣ и талантливыхъ малороссіянъ.

Данилъ Туптало имѣлъ счастье быть ученикомъ Іоаннікія Голятовскаго, ученѣйшаго человека, выдающагося состязательнаго богослова своего времени, въ которомъ іезуиты нашли противника непобѣдимаго и убѣжденное слово котораго, поражая въ голову іезуитовъ, изумляло униатовъ, евреевъ и магометанъ.

Быстрый въ успѣхахъ, Данилъ Туптало скоро дошелъ до классовъ краснорѣчія и въ этомъ искусствѣ нашель свое призваніе. Тутъ усвоены имъ тѣ приемы тѣ своеобразные обороты, какими блистала в послѣдствіи его проповѣдь. Всѣ склонности Данила влекли его къ жизни духовной, къ самоуглубленію, къ всецѣлому служенію Христу. Досель въ Великой церкви Кіево-Печерской лавры, въ таинственной темнотѣ у сѣверной стѣны показываютъ мѣсто, гдѣ любилъ стаять молодой Туптало.

Родители не препятствовали намѣреніямъ юнаго аскета, и 9 іюля 1668 г. онъ принялъ постригъ съ именемъ Димитрія, которому придалъ потомъ такой безсмертный блескъ... Ему было тогда всего 17 лѣтъ.

Какъ ни велико было тяготѣніе его къ духовному міру, надо думать, что не безъ борьбы разставался онъ съ міромъ. Уютъ семьи, привольная панская жизнь, красота тонушей въ вишневыхъ садахъ родной усадьбы должны были много говорить его мяг-

кому, привязчивому сердцу. По крайней мѣрѣ, въ послѣдній вечеръ своей жизни онъ съ сердечной теплотой передавалъ свои воспоминанія обо всемъ этомъ своему юному переписчику—„усерднѣйшему въ трудахъ помощнику“. Значитъ, подъ всѣми великими впечатлѣніями его жизни живою и свѣжею оставалась память о счастливомъ дѣтствѣ. Вспомнилъ онъ тогда и о молитвахъ юности своей и прибавилъ: „И вы, дѣти, также молитесь“. Но всю, хотя бы и чистую, поэзію міра онъ предпочелъ одному Христу.

Съ первыхъ шаговъ иночества преданъ онъ строгому аскетизму. Его послушаніе, любовь къ уединенію, кротость и смиреніе изумляли даже самыхъ опытныхъ старцевъ.

Семь лѣтъ продолжались эти „новоначальные“ его труды, и тогда управлявшій Черниговской митрополіей архіепископъ Лазарь Барановичъ, ревнитель просвѣщенія, вызвалъ его въ Черниговъ, рукоположилъ въ санъ іеромонаха и назначилъ проповѣдникомъ. Природныя способности его, развитыя подъ руководствомъ Іоаннікія, сразу доставили ему блестящую извѣстность. О его проповѣдяхъ заговорили по всей Южной Россіи, въ Польшѣ и Литвѣ. Выдающіеся монастыри непрерывно приглашали его проповѣдывать, звали въ настоятели. Но онъ уклонялся отъ почестей и уединился въ Батуринѣ, гдѣ неустанно продолжалъ жизнь поста, молитвы, отреченія и одиночества, ревностно изучая Священное Писаніе и проповѣдуя.

Громадныхъ усилій стоило самому гетману и монахамъ уговорить его принять настоятельство въ пустынной Макаковской обители. Тишина ея ему нравилась. Затѣмъ Димитрія перевели игуменомъ въ Батуринъ, но онъ отказался отъ настоятельства и преданъ прежнимъ трудамъ.

Въ 1684 г. архимандритъ Кіево-Печерской лавры Варлаамъ Ясинскій предложилъ Димитрію собрать воедино и изложить житія святыхъ православной церкви.

Димитрій всю душу вложилъ въ это дѣло, и послѣ пятилѣтней неустанной работы въ 1689 г. вышла изъ типографіи Кіево-Печерской лавры первая книга „Четій-Миней“, обнимающая мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь.

Е. Поселяницъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Племянница апостола Павла.

Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства
Волжанау, пер. съ нѣмецкаго Г. Т. Стверцева-Поллилова.
(Продолженіе).

V. Руѣ — христіанка.

Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ словъ старика Руѣ, придя домой, невольно задумалась о будущемъ своего народа, которое до сихъ поръ рисовалось ей въ такихъ радужныхъ краскахъ.

— А что, если старикъ говорилъ правду и Мессія уже пришелъ? Что будетъ тогда съ Израилемъ, какъ

сможетъ онъ одинъ справиться съ Римомъ?—мелькало въ головѣ молодой дѣвушки. И сейчасъ же она сама себя успокаивала:—нѣтъ, старикъ сказалъ неправду! Священники и старѣйшины іудейскіе должны это лучше знать...

Руѣ долгое время колебалась: сказать ли родителямъ о встрѣчѣ съ христіаниномъ? Такъ поступить было ея обязанностью. Но она вспомнила о Саррѣ, о томъ впечатлѣніи, какое произвели на служанку слова старика, о рѣшеніи послѣдней самой стать христіанкой, и рѣшила молчать.

Родителей своихъ она нашла накрышѣ, куда вскорѣ явились Давидъ и Іуда съ Елеазаромъ; послѣдняго друзья встрѣтили въ Бетаніи. Всѣ радостно привѣтствовали другъ друга. Оправившъ съ съ дороги и подкрѣпившись ѣдою, они завели разговоръ о послѣднихъ

событіяхъ. Симонъ сказалъ о полученномъ изъ Галилеи извѣстїи, что Іосифъ запертъ римлянами въ крѣпости Іотопата, что евреи потеряли мужество и хотятъ даже заключить миръ.

— Слава Богу,—проговорилъ Елеазаръ,—что у насъ есть еще люди, думающіе иначе. Разсѣянные евреи снова возстанутъ и отплатятъ римлянамъ... А больше у васъ объ Іосифѣ нѣтъ никакихъ извѣстїей?

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ запертъ, рѣшительно никакихъ,—отвѣтилъ Симонъ.

Разговоръ продолжался. Собравшіеся бесѣдовали оживленно и весело, но Руѣ все еще не могла успокоиться и, снова переживая мысленно недавнюю встрѣчу, на всѣ вопросы Іуды, подсѣвшаго къ ней, отвѣчала какъ будто нехотя.

Прошло нѣсколько дней, но прежняя веселость не возвращалась къ Руѣ. Въ Іерусалимѣ, еще до по-

Св. Димитрій Ростовскій.

(По поводу предстоящаго въ текущемъ году 200-лѣтія со дня его кончины).

Св. Димитрій Ростовскій и его творенія.

(По поводу предстоящаго въ с. г. 200-лѣтія со дня его кончины).

(Продолженіе).

Первая книга Четій-Миней была представлена ко двору. Въ это же время Димитрій и самъ побывалъ въ Москвѣ. Затѣмъ онъ вернулся въ Батуринъ и, отказавшись отъ настоятельства, весь предался работѣ по составленію второй части своего труда. Въ этомъ провелъ онъ четыре года, закончивъ ее въ 1693 году. Третью четверть своей работы совершилъ онъ, будучи настоятелемъ Новгородъ-Сѣверскаго монастыря, а чет-

одушевленіе, надъ всѣми страницами ея разлито то чудное настроеніе, которое мы называемъ святостью. Много съ тѣхъ поръ было и будетъ переложеній и сокращеній Четыхъ-Миней святителя Димитрія, но все это ничтожно предъ великимъ, единственнымъ въ своемъ родѣ подлинникомъ, и строки, начертанныя рукою Димитрія, ни съ чѣмъ не сравнимы, не утратятъ никогда для вѣрующаго особой благодатной силы.

Четьи-Миней отличаются не только прекраснымъ слогомъ и выпуклымъ, картиннымъ изображеніемъ. Въ нихъ чувствуется душа, расширяемая стремленіемъ къ совершенству и жаждущая путемъ примѣ-

Свв. великомуч. Георгій и муч. царица Александра предъ императоромъ Діоклетіаномъ.

(Память 23 апрѣля. — Къ стр. 258).

вертую часть кончилъ въ 1705 году, уже митрополитомъ ростовскимъ. Такимъ образомъ, Четьямъ-Миней онъ отдалъ двадцать лучшихъ лѣтъ своей жизни.

Значеніе этого труда громадно, а выполнение его представляетъ безцѣнный и свѣтлый подвигъ. Современники съ любовью слѣдили за судьбой Димитріева творенія, и эта любовь неизмѣнно переходила отъ предковъ къ потомкамъ. Въ сколькихъ людяхъ собранныя и изложенныя святителемъ Димитріемъ сказанія о святыхъ возбуждали высокую жажду духовную! Сколькихъ позвали они на путь подвижничества!.. Это въ яркихъ, покоряющихъ картинахъ, въ свѣтлыхъ образахъ живыхъ представлений была школа духа, показъ примѣровъ того, какъ надо строить свою жизнь, чего въ ней искать!..

Не одно содержаніе драгоцѣнно въ этомъ твореніи; ему въ равной степени соотвѣтствуетъ и превосходное выполнение. Всю книгу проникаетъ великое во-

ровъ святыхъ зажечь такое же стремленіе къ этому совершенству и въ сердцѣ читателя.

Въ 1700 году Димитрій былъ избранъ и посвященъ въ Сибирскіе митрополиты. Уже одна мысль ѣхать туда страшила его, такъ какъ климатъ Сибири совсѣмъ не подходилъ къ его здоровью, истощенному постоянными трудами; кромѣ того, тамъ трудно или, скорѣе, невозможно было бы окончить Четьи-Миней. Димитрію было позволено оставаться въ Москвѣ для проповѣди, а въ 1702 году, не ѣздивъ въ Сибирь, онъ былъ переведенъ на кафедру ростовскую.

Надобно сказать, что въ то время, вслѣдствіе разныхъ историческихъ причинъ, южно-русское монашество было не въ примѣръ образованнѣе сѣвернаго, и, благодаря этому, въ большинствѣ случаевъ архіереи назначались и въ великорусскія епархіи съ юга. Епархія, въ которую теперь шель служить, чтобы въ ней и окончить свой вѣкъ, образованный выходецъ

Украины, страдала типичными недостатками невѣжества и косности какъ духовенства, такъ и народа и требовала для устроения своего мѣръ усиленныхъ и чрезвычайныхъ. Священники были полуграмотны и о христіанскомъ житіи радѣли такъ мало, что многими годами не приобщали членовъ своей собственной семьи; святитель, видя такое положеніе дѣлъ, съ тревогой спрашивалъ себя, какъ могутъ вести свою паству ко Христу эти люди, которые отводятъ отъ Христа своихъ же домашнихъ. Но Димитрій пришелъ въ Ростовъ полный пастырской ревности, той ревности, которая не сдается ни предъ какимъ равнодушіемъ, которая не смущается бесплодною каменистостью той почвы, гдѣ приходится сѣять и возвращать сѣмя. Онъ пришелъ съ той пламенной вѣрою въ знаніе и жаждой распространить просвѣщеніе духовное, которыми отличались вообще люди кievской школы, съ желаніемъ дѣйствовать не строгостью и карами, а любовью и убѣжденіемъ. Онъ прибылъ въ Ростовъ со своею любимою Ватопедскою иконою Богоматери и въ первомъ привѣтственномъ словѣ къ своей паствѣ говорилъ о своемъ желаніи потрудиться на ея пользу, считать себя не господиномъ, а слугой.

И служеніе это оказалось весьма тяжкимъ. Извѣстный Посошковъ говоритъ о современномъ ему духовенствѣ, что оно не знало—„въ чемъ грѣхъ и въ чемъ спасеніе“,—почему и не могло учить паству. Не духовныя стремленія, а хозяйственныя заботы наполняли жизнь духовенства. Многіе люди не приобщались по небрежности и равнодушію священниковъ по 40 и 20 лѣтъ, а находились такіе, которые, доживъ до старости, только разъ и были приобщены.

Темны были и нравы народныя. Крестьяне разныхъ владѣльцевъ враждовали между собою и бились „смертнымъ боемъ“. Отношенія священника и прихожанъ зачастую принимали крайне странныя формы. Прихожане въ ссорахъ со священникомъ „носятъ его небылыми словами“. А на него жалуются, что онъ, де, „дерется, снимаючи съ себя ризы“. Приходилось предостерегать іеромонаховъ, отправлявшихъ требы въ міру, чтобъ „въ корчмы не входити, кощунства и смѣхотворенія не дѣяти“.

Вотъ среда, въ которой пришлось дѣйствовать святителю Димитрію съ его образованностью и высокими понятіями о достоинствѣ человѣческой личности. Онъ сталъ дѣйствовать посланіями, проповѣдями и школами для дѣтей духовенства.

Посланія святителя живо обрисовываютъ предъ нами недостатки тогдашняго духовенства. Иные священники, нарушая тайну исповѣди, разбалтывали въ пьяномъ видѣ то, что имъ было довѣрено на духу, и издѣвались при этомъ надъ своими духовными дѣтьми. Святитель Димитрій сравниваетъ грѣхи наши съ камнями, а милосердіе Божіе—съ моремъ, куда мы эти грѣхи ввергаемъ и гдѣ они, какъ камни на днѣ моря, должны лежать безвѣстными.

Святитель укоряетъ священниковъ за ихъ нежелаіе напутствовать умирающихъ, особенно бѣдныхъ. Насколько неблагоговѣйны были священники въ обращеніи со святынею, видно изъ того, что святитель наказывалъ имъ хранить Святыя Дары не на дому, между тараканами, клопами и сверчками, а въ церкви. Случалось даже, что священники служили въ пьяномъ видѣ, заводили въ алтарѣ ссоры и брань...

Надо было создать новое поколѣніе. И вотъ Димитрій надумалъ завести общесловную семинарію. Она составляла предметъ его живѣйшихъ заботъ. На учениковъ ея Димитрій смотрѣлъ, какъ на своихъ дѣтей. Быть ихъ былъ свободенъ отъ всякой казенщины, напоминая семью. Ученики катались въ лодкахъ по озеру Неро, предпринимали прогулки по полямъ, навѣщали святителя въ его покояхъ. По праздникамъ они приносили рѣчи, рассказывали театральныя діалоги и пьесы. Ихъ кормили сытно, давали лѣтомъ вишни, яблоки и груши. Учителя обращались съ ними мягко и вѣжливо. Неуспѣвающимъ совѣтовали искать помощи у святыхъ. Св. Димитрій часто присутствовалъ на урокахъ, способнѣйшимъ самъ толковалъ Священное Писаніе; они пѣли при служеніяхъ святителя, сопровождая его для этого и въ другія мѣста. Димитрій награждалъ ихъ деньгами, ободрялъ ихъ въ ученіи, самъ исповѣдывалъ и приобщалъ ихъ, обѣщалъ по смерти молить за нихъ Бога, если получить у Него милость. Вообще это была идеальная церковная школа. Но скудость, которую терпѣла, вслѣдствіе странной церковной политики Петра, Ростовская кафедра, принудила митрополита закрыть школу,—глубокая нравственная для него рана.

Много положено было Димитріемъ усилій на борьбу съ расколомъ. Подолгу живалъ онъ въ Ярославлѣ, гдѣ расколъ былъ особенно крѣпокъ. Однажды при выходѣ святителя изъ храма незнакомые ему раскольники спросили его:

— Намъ велятъ брить бороды. А мы готовы и головы свои положить за бороды. Какъ повелишь намъ, владыко?

Святитель отвѣтилъ и вѣрно, и остроумно: онъ задалъ вопросъ:

— Какъ думаете, отрастетъ ли у васъ голова, если ее у васъ снимутъ?

— Нѣтъ.

— А брада?

— Брада отрастетъ.

— Пусть же вамъ отрѣжутъ голову, дождитесь другой.

Узнавъ, что многіе въ его епархіи сомнѣваются въ спасеніи изъ-за того, что обрѣзали себѣ бороды, святитель написалъ и разослалъ по епархіи сочиненіе „О образѣ Божіи и подобіи въ челоуѣкѣ“. Затѣмъ вышло его обличеніе раскольниковъ, обнаруживавшее недостатокъ въ нихъ евангельской любви,—„Розыскъ о брынской вѣрѣ“.

Много пережилъ горя въ Ростовѣ святитель. Нантерпѣлся и отъ столкновенія съ властями, и отъ всевозрастающей скудости архіерейскаго дома. Здоровье его, всегда слабое, совершенно разстроилось въ сырость и суровомъ климатѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ его были книги. Онѣ создавали ему отрадный, особый міръ, вмѣстѣ съ воспоминаніями молодости, которыми онъ себя окружилъ: Ватопедской иконой, портретами отца, Саввы Тупталы, и духовныхъ его благодѣтелей, первыми замѣтившихъ его геній—архіепископа Лазаря Барановича и митрополита Варлаама Ясинскаго.

Предъ концомъ онъ все умножалъ аскетическіе свои подвиги. По нѣскольку часовъ лежалъ неподвижно, распростершись крестомъ, выставлялъ на дачѣ тѣло комарамъ и мошкамъ.

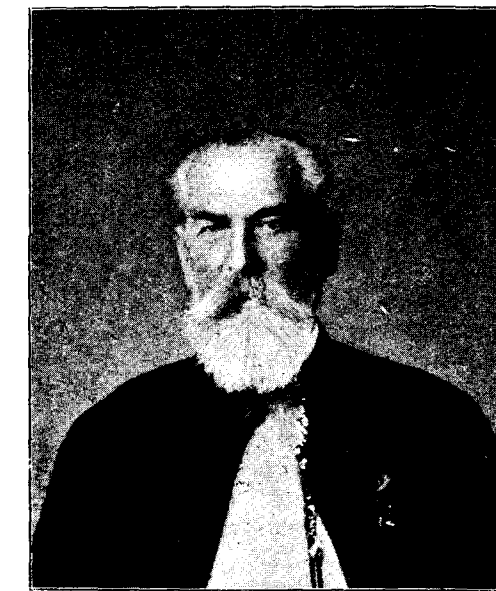
До послѣднихъ дней перо не выпадало изъ руки, написавшей для русскаго народа столько святыхъ, драгоценныхъ страницъ.

Въ послѣдній вечеръ своей жизни онъ, сидя у жарко натопленной печки, слушалъ пѣніе составленныхъ имъ кантатъ. Потомъ, отпустивъ пѣвчихъ, удержалъ своего усерднаго переписчика, Савву Яковлева, и вслухъ сталъ вспоминать свое дѣтство, жаркія къ Богу молитвы и сказалъ: „И вы, дѣти, такожде молитесь“. Прощаясь съ нимъ и благодаря за переписку, святитель поклонился мальчику почти въ ноги. На другое утро, 28 октября 1709 года, святитель отошелъ въ горнія обители, къ Отцу Небесному. Умеръ онъ стоя колѣнопреклоненнымъ на молитвѣ, и эта блаженная кончина вполне соответствовала его благочестивой, истинно-подвижнической жизни.

Когда по кончинѣ святителя вскрыли его „Духовное завѣщаніе“, то тамъ нашли слѣдующія богомудрыя строки: „Ничего не оставляю я даже и на погребеніе мое... Если меня, такого бѣдняка, никто не захочетъ предать обычному погребенію, — прошу тѣхъ, кто помнитъ о своей смерти, оттащить грѣшное тѣло мое въ убогій домъ и тамъ бросить между трупами. Если же воля начальствующихъ велитъ погребсти меня по обычаю, молю христіолюбивыхъ погребателей похоронить меня въ монастырѣ св. Іакова, епископа Ростовскаго, въ углу церкви, гдѣ указалъ я мѣсто“...

Вся святителя была исполнена. Погребалъ его, по взаимно данному обѣщанію, другъ его, Стефанъ Яворскій, митрополитъ Рязанскій, черезъ мѣсяць по кончинѣ.

Намъ остается сказать еще о литературной дѣятельности св. Димитрія.

Священникъ Г. С. Тесельскій.

† въ Парижѣ 12 февраля с. г.

Священникъ Г. С. Тесельскій.

12 февраля текущаго года въ Парижѣ скончался священникъ Георгій Саввичъ Тесельскій. Кто изъ русскихъ, хотя бы разъ побывавшій въ посольской церкви въ Парижѣ, не зналъ отца діакона Тесельскаго? Сорокъ четыре года онъ несъ свое служеніе церкви на чужбинѣ, вдалекѣ отъ горячо любимой имъ родины. Почти всю свою жизнь покойный посвящалъ русской церкви въ Парижѣ, радѣя объ ея нуждахъ и объ ея украшеніи.

Г. С. Тесельскій родился 7 апрѣля 1837 года. Окончивъ курсъ въ кишиневской духовной семинаріи въ 1857 году, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ лучшей въ то время въ столицѣ хоръ Александро-Невской Лавры. По разсказамъ современниковъ, у о. Тесельскаго была поразительная по силѣ октава съ бархатнымъ, приятнымъ тембромъ; до послѣдняго времени прекрасный, хотя нѣсколько уже и измѣнившійся съ лѣтами, голосъ не покидалъ покойнаго. Въ 1861 году о. Тесельскій былъ опредѣленъ діаконъ въ Казанскій соборъ въ Спб., а въ 1865 г. получилъ назначеніе въ православную церковь въ Парижѣ, гдѣ и провелъ всю остальную свою жизнь.

Въ Парижѣ покойный быстро освоился и, прекрасно изучивъ французскій языкъ, былъ большимъ помощникомъ въ бѣдахъ, подчасъ переживаемыхъ нашими соотечественниками. Когда началась франко-прусская война, отецъ Тесельскій, несмотря на возможность покинуть Парижъ, не пожелалъ оставить дорогую для него церковь и перенесъ съ семьей весь ужасъ осады, стараясь посильно придти на помощь страждущему населенію.

Далѣе о. Тесельскій перенесъ и еще болѣе тяжелые дни знаменитой въ исторіи Франціи Коммуны. Его мемуары, представляющіе громаднй интересъ, къ сожалѣнію, такъ и остались недоконченными, коснувшись только періода осады Парижа и лишь части Коммуны.

О. Тесельскій, будучи большимъ ревнителемъ православія на Западѣ и находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ о. Іосифомъ Васильевымъ и бывшимъ аббатомъ, а потомъ православнымъ священникомъ о. Владимиромъ Геттэ, не мало содѣйствовалъ распространенію идеи православія на Западѣ и не мало также потрудился надъ переводами нашихъ богослужебныхъ книгъ на французскій языкъ.

Будучи художникомъ въ душѣ и глубоко цѣняя духовное пѣніе, онъ приложилъ много силъ и знанія для образованія церковнаго хора въ Парижѣ.

Недостатокъ въ русскіхъ пѣвчихъ побудилъ покойнаго пригласить въ хоръ французовъ, не знавшихъ ни русскаго, ни славянскаго языка.

Несмотря на страшную трудность этого начинанія, о. Тесельскому удалось все-таки достигнуть поразительныхъ результатовъ: церковное пѣніе въ парижской церкви было блестяще поставлено.

Покойный былъ нечуждъ знакомства и съ русскими художниками, какъ жившими въ Парижѣ постоянно, такъ и временно тамъ пребывавшими. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ имена Боголюбова, Рѣпина, Лемана, Чумакова, близкаго друга покойнаго, и друг.

Отличаясь рѣдкой душевной добротой, о. Тесельскій дѣлательно и сердечно приходилъ всегда на помощь русской бѣднотѣ въ Парижѣ.

На склонѣ лѣтъ у этого чуднаго служителя православной церкви явилась завѣтная мечта быть рукоположеннымъ въ санъ священника. Его желаніе исполнилось, и 25 марта 1908 г. онъ былъ рукоположенъ въ санъ священника въ той самой церкви, которой онъ посвящалъ всю свою жизнь.

Къ сожалѣнію, это совершилось незадолго до его смерти! Болѣзнь, захватившая о. Тесельскаго, болѣе уже не покидала его. Но, несмотря на сильныя страданія, покойный скорбѣлъ прежде всего о невозможности служить Богу передъ алтаремъ Его.

За четыре дня до смерти страданія оставили о. Тесельскаго, и онъ удостоился безболѣзненной кончины, почивъ сномъ праведника.

Царство небесное доброму, честному, хорошему труженнику на нивѣ православія!

И. Эвенховъ.

Е. Поселянинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

— Да, но Неронъ царствуетъ и проживетъ, вѣроятно, еще долго.

— Дни его уже сочтены...

— Кто тебѣ далъ право такъ говорить?

Полководецъ стоялъ предъ Іосифомъ и пытливо всматривался въ него.

— Духъ,—былъ твердый отвѣтъ.—Развѣ ты, римлянинъ, не знаешь, что у насъ всегда были пророки, которымъ Всевышній открывалъ будущее?..

Веспасіанъ въ волненіи зашагалъ по палаткѣ, потомъ призвалъ стражу и отдалъ приказаніе:

— Отведите этому плѣннику шатеръ и дайте ему все необходимое. Я дарую ему свободу.

Іосифъ остался въ римскомъ лагерѣ. Расположеніемъ Веспасіана и дружбой Тита, которую онъ вскорѣ приобрѣлъ, онъ рѣшилъ воспользоваться въ интересахъ своего народа.

Между тѣмъ въ Іерусалимѣ происходила тяжелая междоусобная борьба, порождавшая неимоверныя бѣдствія для всѣхъ осажденныхъ въ городѣ.

Слухи объ этихъ междоусобіяхъ дошли до Веспасіана, и онъ не сталъ торопиться съ окончаніемъ войны.

— Чѣмъ больше мы даемъ имъ времени,—говорилъ онъ своимъ окружающимъ,—тѣмъ вѣрнѣе они приближаются къ своей собственной гибели. Самъ Богъ отдастъ ихъ намъ въ руки...

Въ 68-мъ году лѣтомъ въ римскомъ лагерѣ была получена неожиданная вѣсть: Неронъ трагически кончилъ свою жизнь.

Когда эта вѣсть распространилась среди войскъ Веспасіана, они, вмѣстѣ съ египетскими отрядами, избрали его императоромъ. Войска другихъ провинцій также избрали себѣ императоровъ, такъ что первою заботою Веспасіана было разбить этихъ своихъ соперниковъ.

Передавъ командованіе войсками въ Палестинѣ сыну своему Титу, самъ Веспасіанъ послѣшно отправился въ Италію, гдѣ вскорѣ по прибытіи и овладѣлъ римскимъ трономъ.

Такъ сбылось предсказаніе Іосифа Флавія...

Когда Титъ принялъ начальство надъ войсками въ Палестинѣ, вся Іудея, кромѣ Іерусалима, была уже покорена. Титъ предложилъ евреямъ заключить миръ, но получилъ гордый отказъ. Тогда, въ началѣ апрѣля 70-го года, онъ двинулся на Іерусалимъ.

Іосифъ все еще продолжалъ оставаться въ римскомъ лагерѣ.

Находясь среди римлянъ, онъ надѣялся быть болѣе полезнымъ своему народу, чѣмъ въ самомъ Іерусалимѣ. Съ Титомъ онъ былъ попрежнему въ дружескихъ отношеніяхъ и потому всегда имѣлъ возможность ходатайствовать предъ нимъ за свой народъ: Титъ почти никогда не отказывалъ своему новому другу въ его просьбахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Св. Димитрій Ростовскій и его творенія.

(По поводу предстоящаго въ с. г. 200-лѣтія со дня его кончины).

(Окончаніе).

Если тяжелъ путь писательства вообще, требующій затраты всей полноты душевныхъ силъ человѣка; если великое умѣніе и великое воодушевленіе необходимо для того, чтобы заинтересовать читателя, держать въ напряженномъ состояніи его вниманіе, взять его, такъ сказать, въ свою власть,—то еще болѣе труденъ и сложенъ путь писателя духовнаго, проповѣдника.

Люди съ трудомъ поднимаются вообще въ возвышенныя, духовныя сферы. Имъ кажется какъ-то покойнѣе и проще стлаться по землѣ съ ея столь имъ понятными и близкими „житейскими попеченіями“.

Какое могучее горѣніе духа нужно для того, чтобы воспламенить тѣмъ счастливымъ духовнымъ пожаромъ, какимъ горитъ самъ человѣкъ, холодныя, мало-чувствительныя, косныя сердца слушателей! Какая мудрость и чуткость нужны для того, чтобы представить духовныя истины въ осязательной формѣ, доступной мало-развитому уму! Сколько таланта надо, чтобы не только не дать слушателю соскучиться въ непривычной ему области, но заставить его при концѣ слова пожалѣть, что онъ такъ недолго слушалъ!

И всегда, какъ во всякомъ писательствѣ вообще, такъ въ духовномъ въ особенности, будетъ неизмѣннымъ одно правило: воспаляетъ тотъ, кто самъ горитъ.

Въ лицѣ святителя Димитрія Ростовскаго мы видимъ именно такой совершенный типъ писательства и писателя. Вѣра, переполнявшая его сердце, его устами и чрезъ его перо переливалась въ сердца слушателей и читателей. Высокіе идеалы, которыми была полна его душа, глубокая скорбь о томъ, какъ далека окружавшая его дѣйствительность отъ этихъ идеаловъ, нашли себѣ прекрасное, выпуклое выраженіе въ томъ, что онъ говорилъ и что онъ писалъ.

Творенія св. Димитрія весьма и весьма многочисленны. Они относятся къ самымъ разнообразнымъ областямъ жизни и знанія. Мы остановимся на главнѣйшихъ изъ нихъ.

„Весьма трогательна, — говоритъ о св. Димитріи знаменитый архіеп. Филаретъ (Гумилевскій), — его „Краткія наставленія“ и молитвы. Послѣднія обращены преимущественно къ пострадавшему за насъ Искупителю міра. „Внутренній человѣкъ, въ клѣти сердца своего поучающій и молящійся“, наставляетъ внутренней молитвѣ или сохраненію постоянного молитвеннаго настроенія въ душѣ. Два пастырскія посланія іереямъ—полезное пособіе для пастырскаго богословія. О духовныхъ драмахъ его („Есѣиръ“, „Кающійся грѣшникъ“, „Рождество Христово“, „Успеніе Богоматери“, „Великом. Димитрій“) довольно сказать, что онѣ принадлежали духу времени и преимуще-

ственно обычаемъ южной Россіи, гдѣ онѣ и писаны. Другое дѣло—духовныя пѣсни его. Онѣ пѣты были по его приказанію и въ послѣдній день жизни его. „Ты мой Богъ, Исусе“, „Исусе мой прелюбезный“, „Похвалу принесу сладкому Исусу“, „Воплю къ Богу въ бѣдѣ моей“ (всего 8 пѣсней)—такія пѣсни, которыя всегда могутъ доставлять и утѣшеніе сердцу, и назиданіе уму и волѣ. По ученію о догматахъ вѣры писалъ онъ: „Зерцало православнаго исповѣданія вѣры“, „Краткіе отвѣты о вѣрѣ“; то и другое — родъ краткаго катехизиса, но послѣдніе съ систематическою строгостію и съ приспособленіемъ къ нуждамъ времени; другое, „Зерцало“, — сокращеніе извѣстнаго православнаго исповѣданія вѣры; „Размышленіе о страданіяхъ Христовыхъ“, „О причащеніи“, „О пресущевленіи въ Евхаристіи“; послѣднее приближаетъ тайну вѣры къ общему разумѣнію чрезъ сравненіе съ явленіями природы.

Выше нами было уже сказано о значеніи столь увлекательно изложенныхъ святителемъ Димитріемъ житій святыхъ, „Четій-Миней“, и о его противораскольническихъ трудахъ.

Изъ ученыхъ трудовъ св. Димитрія замѣчательны его замѣтки по библейской исторіи, написанныя имъ лично для себя и вслѣдствіе этого озаглавленныя „Лѣтопись келейная“, — сводъ библейской исторіи съ гражданской, оживляемый нравственными размышленіями и поученіями.

О цѣли сочиненія святитель писалъ Яворскому: „Въ нашей малороссійской странѣ трудно найти Библию славянскую... и рѣдко кто знаетъ порядокъ исторій библейскихъ... И для того хотѣлъ бы... вкратцѣ библейскую исторію преподавать таковымъ для вѣданія“.

Другія историческія сочиненія святителя: „Хронографъ о началѣ славянскаго народа“, „Руно орошенное“, или повѣствованіе о чудесахъ Черниговской Ильинской иконы Богоматери; „Краткій мартирологъ“, „Лѣтописаніе царей и патріарховъ“; „Каталогъ росс. митрополитовъ“. Затѣмъ, въ угличской церкви царевича Димитрія хранится рукописная книга святителя о смерти царевича Димитрія.

Но главное значеніе св. Димитрія для современниковъ заключалось въ его проповѣдничествѣ. Рѣдкій разъ, служа, не говорилъ онъ проповѣди, которыхъ послѣ него осталось весьма и весьма много. Рѣчь его имѣла видъ живой бесѣды съ паствою, какъ бы отца съ дѣтьми. Онъ не углублялся въ догматическія отвлеченности. Ему надо было заставить слушателей жить лучшею жизнью, стремиться къ нравственному совершенству и для того, прежде всего, обнаружить предъ ними то зло, которому они предались и котораго, быть можетъ, сами въ себѣ не замѣчали. Разнообразіе человѣческой жизни—вотъ предметъ проповѣдей Димитрія. Это какъ бы живые куски современнаго ему быта.

По мягкости характера святителя тойъ его рѣчи

никогда не бываетъ грознымъ; а склоняется къ тихому увѣщанію, иногда же переходитъ къ ироніи.

Онъ умѣетъ олицетворять въ живыхъ образахъ отвлеченныя духовныя понятія. Таково, на примѣръ, поразительное по смѣлости замысла слово его о томъ, какъ скитается по землѣ „царствіе Божіе“, тщетно ища себѣ среди людей мѣста. Въ этомъ словѣ проходитъ предъ нами цѣлый рядъ человѣческихъ неправдъ, всѣ замѣченныя проповѣдникомъ въ паствѣ грѣхи,—все, что удаляло тогдашнее русское общество и вообще удаляетъ человѣчество отъ Христа.

Горячее стремленіе возвысить нравственно слушателей слышно во всѣхъ проповѣдяхъ св. Димитрія. Онъ мучится, видя язвы современной ему жизни: отсутствіе любви, братства и справедливости. Подобно великимъ предшественникамъ и учителямъ своимъ, незабвеннымъ вселенскимъ святителямъ первыхъ вѣковъ, Димитрій безстрашенъ въ обличеніи, бичуетъ пороки, какъ бы высоко этотъ порокъ ни свиль себѣ гнѣздо; пользуется всякимъ случаемъ, чтобъ сказать сильнымъ и богатымъ объ ихъ обязанностяхъ къ забытому и — хуже того — угнетаемому ими меньшему брату.

Въ одной изъ своихъ проповѣдей св. Димитрій обличаетъ гнѣвливость и жестокость самого императора Петра. Въ другой увѣщеваетъ его помнить, какъ быстро проходитъ земное величіе: „Смертенъ ты быти памятствуй, о царю, а не во вѣки живуща. Днесъ вси тебѣ предстоятъ, а утро самъ единъ останешься въ нѣдрахъ земныхъ. Днесъ всѣмъ страшень, а утро мертва кто ты убоятся? Днесъ неприступень еси, а утро лежащъ во гробѣ ногами всѣхъ попираемъ будешь“.

Такъ жилъ, такъ мыслилъ, такъ чувствовалъ этотъ великій правдолюбецъ XVIII вѣка. Благородная душа, скорбѣвшая о несправедливостяхъ жизни, мечтавшая о водвореніи въ современной ему Россіи безпріютно бродившаго и отметаемаго людьми „Царствія Божія“.

Все, что цѣнно въ писателѣ: вѣрность своимъ убѣжденіямъ, горячность ихъ, безусловная искренность и правдивость, глубокая человѣчность и страстное желаніе добра ближнему, ни передъ чѣмъ не останавливающееся негодованіе на преднамѣренное людское зло, на уродство взаимной людской ненависти и ожесточенной борьбы людей другъ съ другомъ; грѣющее сочувствіе всякому жизненному страданію и вѣра въ то, что жизнь можетъ стать свѣтлѣе, теплѣе и лучше,—всѣ эти внутреннія качества писателя, затѣмъ блестящее образованіе, живость, ясность изложенія, картинность, выпуклость образовъ, новизна и оригинальность оборотовъ, чрезвычайная сила слова, какъ внѣшнее достоинство его твореній,—все это отводитъ святителю Димитрію Ростовскому одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ вообще лицъ, послужившихъ перомъ Россіи, лицъ, перомъ которыхъ говорила ихъ чуткая и великая, возлюбившая родной народъ и ведшая этотъ народъ къ Богу—душа.

Е. Поселянинъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:

info@axion.org.ru